

Белкин М.Л., кандидат юридических наук,
адвокат, г. Киев, Украина♦

Европейский суд по правам человека о гарантиях прав подозреваемых на досудебном расследовании

Аннотация: На примере решений Европейского суда по правам человека, принятых относительно Украины, рассмотрена позиция суда в сфере гарантий прав подозреваемых на досудебном расследовании. Показано, что длительные сроки досудебного расследования и судебного производства в уголовных делах являются нарушениями ст.ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека, досудебное расследование, уголовное преследование, разумный срок.

В настоящее время считается общепринятым, что обеспечение и защита прав человека не может рассматриваться как внутренне дело отдельных стран и является предметом заботы всего человечества. Так, согласно Всеобщей декларации прав человека 1948 г., государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с ООН, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; при этом предусмотрено, что ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано, как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации.

Дальнейшее развитие концепция международных гарантий прав человека получила в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В преамбуле этой Конвенции подчеркивается, что правительства, подписавшие

♦Белкин Марк Леонидович – кандидат юридических наук,
адвокат, Киев, Украина. E-mail: belkinleonid@list.ru

Конвенцию, полны решимости как Правительства европейских стран, являющиеся единомышленниками и владеющие общим наследием политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, сделать первые шаги коллективной реализации некоторых прав, провозглашенных во Всеобщей декларации.

При этом Конвенция предусмотрела действенный механизм практической защиты прав человека в виде Европейского суда по правам человека. Так, согласно ст. 19 Конвенции, для обеспечения соблюдения Высокими Договаривающимися Сторонами их обязательств по настоящей Конвенции и Протоколам к ней, учреждается Европейский суд по правам человека (далее – «Суд»), который работает на постоянной основе. Согласно ч. 1 ст. 46 Конвенции, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные решения Суда по делам, в которых они являются сторонами. Таким образом, представляется очевидным, что в данной конкретной стране выполнению подлежат решения, принятые относительно этой страны [2, 3].

Однако, согласно ч. 1 ст. 32 Конвенции, юрисдикция Суда распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, которые переданы ему в соответствии со статьями 33, 34 и 47. Поэтому любые решения Суда подлежат учету в правоприменительной деятельности государственных органов как официальные положения Конвенции, имеющие всеобщую силу для всех государств-участников Конвенции.

При таких условиях представляется интересным изучение решений Суда относительно других государств, поскольку решения относительно своего государства, как правило, в этом государстве широко известны. Некоторые вопросы этой проблематики рассматривались в работах [1-5 и др.].

В последнее время Суд принял несколько решений относительно Украины, посвященных обеспечению гарантий прав подозреваемых на досудебном расследовании и обвиняемых – в судебном производстве по уголовным делам. Например, в решении от 12 января 2012 г. по делу «Борисенко против

Украины» (Case of Borisenko v. Ukraine) (жалоба № 25725/02) Суд постановил, что в этом деле имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции; и пункта 1 статьи 6 Конвенции, исходя из следующих обстоятельств.

17 июля 1999 г. в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. 30 декабря 1999 г. районный суд признал заявителя виновным в совершении преступления и назначил ему наказание в виде лишения свободы, срок отбывания которого в колонии истекал 18 июля 2003 г. Во время отбывания заявителем наказания, назначенного приговором от 30 декабря 1999 г., было возобновлено досудебное следствие по другим уголовным делом в отношении него, в связи с чем 1 февраля 2001 г. прокуратурой было санкционировано заключение заявителя под стражу в следственный изолятор (СИЗО), где он в содержался до его осуждения. В дальнейшем срок содержания под стражей неоднократно продлевался городским судом, который не приводил никаких оснований и сроков для такого содержания. 26 апреля 2005 г. городской суд отказал в удовлетворении ходатайства заявителя об изменении меры пресечения в связи с необоснованностью и отсутствием оснований для изменения избранной меры пресечения. 1 июня 2005 г. городской суд признал заявителя виновным в совершении преступления и назначил ему наказание в виде лишения свободы. 20 января 2006 г. апелляционный суд оставил приговор без изменений. 14 ноября 2006 г. Верховный Суд Украины отказал в удовлетворении кассационной жалобы заявителя на этот приговор. Таким образом, продолжительность уголовного производства в отношении заявителя составляла более семи лет.

В решении Европейского суда по этому поводу отмечено [6]:

– п. 35: правительство утверждало, что для целей статьи 5 § 3 Конвенции срок содержания заявителя под стражей не начинался до 18 июля 2003 года. Период с 1 февраля 2001 г. до 18 июля 2003 г. не должен приниматься во внимание, так как заявитель одновременно отбывал наказание в соответствии с решением от 30 декабря 1999 г. и не мог быть освобожден из-под стражи в

любом случае. Следовательно, его содержание под стражей в указанный период подпадает под статью 5 § 1 (а), а не статью 5 § 1 (с). Статья 5 § 3 поэтому не может применяться к рассматриваемому периоду. Кроме того, оно утверждало, что срок содержания заявителя под стражей закончился 1 июня 2005 г., когда он был осужден судом города Докучаевск. Поэтому он длился один год и почти одиннадцать месяцев.

– п. 36: заявитель утверждал, что срок его предварительного заключения начался 1 февраля 2001 г., когда было издано постановление о заключении его под стражу в связи с возбуждением против него нового уголовного разбирательства, и продолжалась до его перевода в колонию. О характере его содержания под стражей в период с 1 февраля 2001 г. до 18 июля 2003 г. он отметил, в частности, что его помещение в СИЗО значительно ухудшило его положение по сравнению с положением осужденного. В частности, устройство помещения не было приспособлено для долгосрочного пребывания; возможности получения свидания и передач от родственников были крайне ограничены и, кроме того, заявитель утратил разумные ожидания амнистии или досрочного освобождения от отбывания наказания 1999 года.

– п. 37: Суд повторяет, что статья 5 Конвенции находится в первом ряду основополагающих прав, которые защищают физическую безопасность личности, и что прецедентное право Суда устанавливает три условия ареста или задержания лица: исчерпывающий характер оснований ареста или задержания, которые должны толковаться строго и которые не допускают их широкого толкования (статьи 8-11 Конвенции, в частности); скрупулезное соблюдение верховенства закона; а также важность оперативности и быстроты необходимого судебного контроля в рамках статьи 5 §§ 3 и 4 (см. *McKay v. Соединенного Королевства* [GC], № 543/03, § 30, ЕСПЧ 2006-Х). Относительно последнего пункта следует напомнить, что статья 5 § 3 применяется исключительно в ситуации, предусмотренной в статье 5 § 1 (с), с которой она образует единое целое. Она перестает применяться в день, когда выносится приговор о виновности, даже если только судом первой инстанции, так как с

этого дня лицо становится лишенным свободы «после осуждения компетентным судом» по смыслу статьи 5 § 1 (а) (см., среди многих других, *Labita v. Италии* [GC], № 26772/95, §§ 145 и 147, ECHR 2000-IV). Кроме того, лицо, которое имеет причины жаловаться на продолжение его содержания под стражей после осуждения в связи с задержкой в рассмотрении его апелляции, не может ссылаться на статью 5 § 3, но может утверждать об игнорировании «разумного срока», предусмотренного статьей 6 § 1 (см. *Solmaz v. Турции*, № 27561/02, §§ 24-26, 16 января 2007 г., с дальнейшими уточнениями).

– п. 38: Суд также повторяет, что применение одного из оснований, перечисленных в статье 5 § 1 Конвенции, не исключает применения другого основания, и содержания под стражей может быть обосновано по нескольким подпунктам этого положения (см., среди многих других, *Brand v. Нидерландов*, № 49902/99, § 58, 11 мая 2004 г., и *Johnson v. Соединенного Королевства*, 24 октября 1997 г., § 58, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-VII). Таким образом, Суд призван решить вопрос, будет ли в таких обстоятельствах статья 5 § 3 применима к такому периоду.

– п. 41-42: обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель был задержан в рамках двух различных уголовных дел. Приговором от 30 декабря 1999 г. заявитель был приговорен к лишению свободы сроком на четыре года за ограбление магазина. Его предложения по указанному решению истекает 18 июля 2003 г. Во время отбывания наказания заявителю было предъявлено обвинение по другому уголовному делу, в рамках расследования которого заявитель был переведен в СИЗО 1 февраля 2001 г. и в конечном счете осужден 1 июня 2005 г. Между сторонами не существует спора относительно применимости статьи 5 § 3 Конвенции в период после 18 июля 2003 г., когда срок отбывания наказания по первоначальному приговору заявителя должен был истечь, и до 1 июня 2005 г., когда заявитель был осужден за новое преступление.

Возникает, однако, вопрос, о применимости статьи 5 § 3 в период с 1 февраля 2001 г. до 18 июля 2003 г., когда лишение заявителя свободы

обосновывалось обоими подпунктами (а) и (с) статьи 5 § 1. В этой связи Суд отмечает, что, несмотря на то, что с 1 февраля 2001 г. органы прокуратуры выдали ордер на содержание заявителя под стражей в СИЗО в связи с расследованием относительно него нового уголовного дела, никакого официального решения о приостановлении или прекращении относительно заявителя лишения свободы по приговору суда от 30 декабря 1999 г. в то время не было принято, да и не могло быть принято, как видно из соответствующих норм внутреннего права, поскольку перевод заявителя в СИЗО и выбор меры пресечения в другом расследовании не подразумевает автоматическую отмену первоначального приговора. Таким образом, в течение рассматриваемого периода не было никаких объективных оснований считать, что заявитель прекратил отбывать тюремное заключение после 1 февраля 2001 г. и что его содержание под стражей требует дополнительного обоснования на период до 18 июля 2003 г. Таким образом, содержание заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода обосновывается по статье 5 § 1 (а) Конвенции.

– п. 44: на самом деле Суд считает, что трудно увидеть какую-либо практическую цель, чтобы оправдать содержание заявителя под стражей в соответствии со статьей 5 §§ 1 (с) и 3 Конвенции в случае, когда такое задержание было оправданным в соответствии со статьей 5 § 1 (а). Любая просьба об освобождении на основании статьи 5 § 1 (с), таким образом, ограничивается чисто гипотетическим вопросом, может ли лицо быть освобожденным на основании статьи 5 § 1 (с), если он не отбыл уже установленный тюремный срок. Поэтому, даже если продолжение содержания заявителя под стражей по смыслу статьи 5 § 1 (с) перестает быть разумным, оно не перестает автоматически быть законным и обоснованным в соответствии со статьей 5 § 1 (а). Короче говоря, заявитель не может утверждать, что в то время, когда он отбывал тюремный срок, он мог быть «освобожден до суда» в параллельных судебных разбирательствах, которые не касаются его первоначального приговора. Соответственно, статья 5 § 3 Конвенции не распространяется на содержание заявителя под стражей в период с 1 февраля

2001 г. до 18 июля 2003 г., которое составило «законное содержание под стражей после его осуждения компетентным судом» по смыслу статьи 5 § 1 (а) Конвенции.

– п. 45-46: что касается доводов заявителя о том, что в предварительном заключении он был помещен в более жесткие условия содержания, чем в колонии, суд считает, что такие жесткие условия содержания, а также ограничения на свидания с родственниками и переписка могли касаться нарушения прав заявителя в соответствии со статьями 3, 8 или 9 Конвенции (см., например, Вислогузов против Украины, № 32362/02, §§ 59 и 60, 20 мая 2010 г.; Шалимов против Украины, № 20808/02, §§ 89 и 91, 4 марта 2010 г.; и Полторацкий против Украины, № 38812/97, §§ 170 и 171, ЕСПЧ 2003-V), но все эти соображения не могут, по мнению суда, влиять на квалификацию пребывания заявителя под стражей для целей статьи 5 § 1.

Следовательно, период должны быть приняты во внимание, начался 18 июля 2003 года и закончился 1 июня 2005 года. Поэтому он длился один год и десять с половиной месяцев.

– п. 50-52: Суд отмечает, что досудебное содержание заявителя под стражей длилось один год и десять с половиной месяцев. Этот период не может считаться чрезмерным как таковой. Тем не менее, на протяжении рассматриваемого периода суды просто заявляли, что ранее принятая мера пресечения была правильной, хотя в соответствии со статьей 5 § 3, по истечении определенного времени, сохранение обоснованного подозрения само по себе не оправдывает лишения свободы, и судебные органы должны дать другие основания для дальнейшего содержания под стражей. Эти основания, кроме того, должны быть упомянуты национальными судами (см. Yeloyev против Украины, № 17283/02, § 60, 6 ноября 2008 г.). Таких причин не было приведено судом в данном деле.

Кроме того, в ответ на просьбу об освобождении, поданную заявителем 26 апреля 2005 г., суд города Докучаевск не только не привел никаких обоснований для дальнейшего содержания заявителя под стражей, но и

отклонил его ходатайство об освобождении как необоснованное. По мнению Суда, решение национального суда по ходатайству задержанного о том, что именно он должен обосновать свое право на свободу, противоречит самой сути статьи 5 § 3, которая закрепляет презумпцию в пользу свободы и требует от властей обосновывать законность содержания под стражей.

Изложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

– п. 53: далее заявитель жаловался, что продолжительность производства по уголовному делу против него была несовместимой с принципом «разумного срока», изложенным в статье 6 § 1 Конвенции, которая в соответствующей части гласит: «При рассмотрении... любого предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право на... разбирательство дела в разумный срок... судом...».

– п. 57: Суд отмечает, что статья 6 § 1 применяются во всем объеме производства по «рассмотрению... любого уголовного обвинения» (см. *Phillips v. Соединенного Королевства*, № 41087/98, § 39, ЕСПЧ 2001-VII). Суд считает, что период, который должен приниматься во внимание в данном случае, начался 17 февраля 1999 г., когда было возбуждено уголовное дело, и закончился 14 ноября 2006 г., когда окончательное решение было принято Верховным судом. Тем не менее, период, в течение которого заявитель был в бегах (с 23 марта по 17 июля 1999 г.) должен быть исключен из общей длительности судебного разбирательства (см. *Girolami v. Италии*, решение от 19 февраля 1991 г., Серия А, № 196-Е, § 13, и *Смирнова против России*, №№. 46133/99 и 48183/99, § 81, ЕСПЧ 2003-IX). В то же время, с 17 июля 1999 г. заявитель был в руках властей, и он не может нести ответственность за любое дальнейшее промедление в возобновлении производства по уголовному делу. Таким образом, период рассмотрения уголовного дела, который необходимо учитывать, продолжался семь лет и около пяти месяцев, прежде чем следственные органы и суды разрешили этот вопрос в трех инстанциях.

– п. 58: Суд отмечает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела и с учетом

сложности дела и поведения заявителя и соответствующих органов власти (см., среди многих других, *Pélissier and Sassi v.Франции* [GC], № 25444/94, § 67, ЕСПЧ 1999-II). Кроме того, Суд считает, что обвиняемому по уголовному делу должно быть предоставлено право на рассмотрение его дела с особой тщательностью, особенно, когда он содержался под стражей (см. *Нахманович против России*, № 55669/00, § 89, 2 марта 2006 г., и *Юртаев против Украины*, № 11336/02, § 37, 31 января 2006 г.).

– п. 60-63: Суд отмечает, что почти две трети судебных слушаний в конечном итоге были отложены по разным причинам, в том числе семнадцать отложений – в связи с отказом прокурора явиться в суд и пятнадцать – в связи с неспособностью властей обеспечить доставку подсудимых, которые были под стражей, для слушания. Суд также отмечает, что, согласно материалам дела, никакие следственные мероприятия не проводились с марта 1999 г. по ноябрь 2000 г. (один год и восемь месяцев), отчасти, по-видимому, так как заявитель был недоступен. В то же время, местонахождение заявителя было установлено не позднее 17 июня 1999 г., когда он был арестован и впоследствии обвинен в новом преступлении. Другую значительную задержку (один год и два месяца) можно наблюдать в период с июня 2001 г., когда дело было передано в суд, до сентября 2002 г., когда фактически начались слушания.

Суд неоднократно устанавливал нарушения статьи 6 § 1 Конвенции в случаях, когда власти несут ответственность за неоднократные отложения слушаний и значительные периоды необоснованного бездействия (см., среди других источников, *Кобцев против Украины*, № 7324/02, § 71, 4 апреля 2006 г.; *Антоненков и другие против Украины*, № 14183/02, § 46, 22 ноября 2005 г.; *Мазуренко и против Украины*, № 14809/03, § 47, 11 января 2007 года).

Принимая во внимание представленные ему материалы и свое прецедентное право по этому вопросу, Суд считает, что правительство [Украины] не предоставило достаточных объяснений задержки в данном случае. Поэтому Суд считает, что продолжительность производства по

уголовному делу в отношении заявителя была чрезмерной и не удовлетворяет требованию «разумного срока».

Соответственно, имело место нарушение статьи 6 § 1.

По результатам указанного рассмотрения, Суд постановил, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции, а также нарушение статьи 6 § 1 Конвенции. Суд также присудил сумму справедливой сатисфакции EUR 1.700, что, по мнению автора, явно недостаточно. Отметим, что в связи с незаконным арестом бывшего Министра внутренних дел Украины Ю. Леценко Суд вынес решение о сумме справедливой сатисфакции EUR 15.000. Правда, при этом Суд признал нарушение не только статьи 5 § 3, но и статьи 18 Конвенции – применение ограничения свободы в виде ареста для целей иных, чем те, для которых это ограничение предусмотрено.

Таким образом, на основании решения Европейского Суда по правам человека по делу «Борисенко против Украины» (Case of Borisenko v. Ukraine) и смежной прецедентной практики можно прийти в таким выводам:

1. Несмотря на то, что Суд считает, что трудно увидеть какую-либо практическую цель, чтобы оправдать содержание заявителя под стражей одновременно по двум основаниям, достаточно законности одного из них, чтобы не обсуждать законность второго.

2. Суд считает, что содержание под стражей даже с санкции суда является незаконным, если суд не обоснует необходимость такого содержания.

3. Суд считает, что задержанный (подозреваемый, обвиняемый) не должен доказывать свое право на свободу. По мнению Суда, решение национального суда по ходатайству задержанного о том, что именно он должен обосновать свое право на свободу, противоречит самой сути статьи 5 § 3, которая закрепляет презумпцию в пользу свободы и требует от властей обосновывать законность содержания под стражей.

4. Суд считает, что сроки длительности уголовного разбирательства применяются во всем объеме производства по «рассмотрению... любого уголовного обвинения», т.е. от начала досудебного следствия до

окончательного разрешения этого дела судом. При этом власти несут ответственность за неоднократные отложения судебных слушаний и значительные периоды необоснованного бездействия.

Библиографія

1. Альбрехт П.-А. Європейська судова система як гарант верховенства права? – Право України. – 2012. – № 3-4. – С. 480-488.
2. Белкин М.Л. Законодательное обоснование применения в судебной практике решений Европейского суда по правам человека как источника права. – Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1. – С. 30-33. – [Электронный ресурс, 27.12.12]. – Режим доступа: <http://etalon.co.ua/publikacyi000119.html>
3. Белкин М.Л. Роль судебного прецедента в реализации принципов правового государства//Мировой судья. – 2010. – № 3. – С. 10-12. – [Электронный ресурс, 27.12.12]. – Режим доступа: <http://etalon.co.ua/publikacyi000115.html>
4. Дженіс М. Європейське право у галузі прав людини: джерела і практика застосування / М. Дженіс, Р. Кей, Е. Бредлі; пер. з англ. – К.: АртЕк, 1997. – 583 с.
5. Шевчук С. Судовий захист прав людини: Практика Європейського суду з прав людини у контексті західної правової традиції. – К.: Реферат, 2006. – 848 с.
6. Case of Borisenko v. Ukraine. – [Электронный ресурс, 27.12.12]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-108537>